

УДК 159.9

ОТНОШЕНИЕ К НОГТЯМ В КАЧЕСТВЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАНИЦЫ ТЕЛЕСНОГО Я

© 2024 г. Т. А. Ребеко

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина.

E-mail: rebekota@yandex.ru

Поступила 07.09.2023

Аннотация. Обсуждаются понятия “культурная кожа” и “вторая кожа” как два поведенческих паттерна защиты Эго и репрезентации границ телесного Я на материале отношения к ногтям. Выделены две формы манифестации второй кожи (инкапсуляция/слияние). Получен феномен репрезентации границы телесного Я как сочетания инкапсуляции/слияния. В онлайн-исследовании приняли участие 464 женщины, которые сначала ответили на вопросы анкеты и определили себя по трем категориям (грызение ногтей, длинные ногти, аккуратные ногти). Затем требовалось выполнить бланковые методики: “Диагностика телесного Я” (И.В. Лыбко), “Я-структурный тест Аммона” (ISTA). По результатам анализа выборка распределилась по четырем категориям в зависимости от меры аффективного отношения к ногтям и паттернов поведения в отношении к ногтевой пластине (уход за ногтями/самоповреждение). С помощью критерия Краскела–Уоллиса доказываем, что отношение к ногтям сопряжено с разными способами репрезентации границы телесного Я.

Ключевые слова: Эго, границы телесного Я, сепарация, первичная кожа, вторая кожа, культурная кожа, паттерны поведения в отношении к ногтевой пластине, инкапсуляция, слияние, самоидентификация.

DOI: 10.31857/S0205959224010051

Процесс развития телесного Я начинается с самых ранних этапов онтогенеза, включая внутриутробную жизнь. Общепринятой является метафора об “одной коже на двоих” при описании единения матери и младенца на ранних этапах симбиоза. “Кожа, общая с матерью, представляет собой раннюю диадическую замкнутую систему и обеспечивает младенцу защиту, безопасность и сдерживание, а также оставляет следы ранних приятных и неприятных переживаний” [12, с. 661]. Таким образом можно сказать, что процесс воплощения телесного Я сопряжен с репрезентацией границы телесного Я.

Важным этапом в развитии границы телесного Я является этап сепарации. Сепарация выступает своеобразным вызовом к выделению телесного Я как отличного от материнского и репрезентации границы телесного Я. В ходе длительного процесса сепарации младенец “конституирует ядро своей воплощенной субъективности” [28, с. 60] (см. формирование субъектности на разных этапах

онтогенеза [4]). По словам А. Вежбицкой, “концептуальный мир, в котором мы живем, во многом ориентирован на тело” [30, с. 59]. В работе М.А. Холодной и Я.И. Сиповской [22] показана роль сенсорно-моторного опыта в структуре концептуального знания.

Э. Бик ввела понятие “первичная кожа”, с помощью которого описывается первичный опыт интеграции разрозненных переживаний. “Ребенок впервые узнает свою мать через прикосновение и поначалу воспринимает ее как находящуюся с ним под одной кожей” [18, с. 205]. По словам А. Шеллекса, «“состояние погружения в психику матери” похоже на “состояние единения (*state of attunement*)”, в котором отсутствует ощущение внутреннего пространства (и трехмерности)» [27, с. 281].

Д. Анзье ввел понятие “Я-Кожа” (в развитие идей Э. Бик). «Я-Кожа — это место как связи, так и границ между Я и Другим. Ни внутри, ни снаружи, это и то, и другое: “среда” или место встречи,

где внутренняя часть тела вступает в контакт с внешним миром» [18, с. 205]. Опыт телесности позволяет маркировать границы внешнего и внутреннего, сепарироваться от внешнего мира и от Другого. Именно он задает вектор на “субъект-объектное членение реальности” [2, с. 236].

“Вторая кожа” (понятие, введенное Э. Бик для обозначения защитного механизма) позволяет компенсировать ощущение целостности. “Если контейнирующая функция не осуществлена адекватным способом матерью”, то это может привести младенца к образованию формации “второй кожи”; это “своеобразный замещающий протез, мускульный эрзац, замещающий обычную зависимость по отношению к контейнирующему объекту на псевдозависимость” [1, с. 217–218]. А. Шеллекс приводит несколько метафор, описывающих травму сепарации: “сепарация делает Я совершенно беспомощным и разрушенным”. Автор сравнивает это состояние “с вытеканием и испарением”, “проваливанием в пустоту”, утратой ощущения пространства и времени [27, с. 281].

Б. Фельдман развивает понятие Я-кожа (как контейнер психического опыта) и вводит понятие “культурная кожа”. Автор полагает, что культура обеспечивает форму социального сдерживания, своего рода “культурной кожи”, в которой мы можем создавать “общие смыслы, которые, в свою очередь, обеспечивают основу и структуру как для нашей индивидуальной, так и для групповой жизни...” [17, с. 126]. Я. Ад-Даббаг предлагает расширить концепцию Я-Кожи на культуру в целом, включив в нее функции культурной границы, отделенности не от общего Другого, а от “культурного Другого” [9]. В. Подорога рассматривает развитие второй кожи в связи с формированием психического Эго, которое “определяется самым ближайшим к нему Другим”, которое “всегда будет его второй кожей” [6, с. 47]. Вторая кожа, по словам автора, — это путь к “миру Другого” и “путь к своему телу” [Там же, с. 48].

Вторая кожа в качестве защиты может проявляться в разных формах. Эти формы согласуются с общетеоретическими идеями о существовании двух тенденций: приближения и избегания. Близкую оппозицию двух взаимодополняющих побуждений предлагает И. Херманн (1935): цепляние и поиск (*clinging and going-in-search*) (цит. по: [29, с. 45]). Полюс “цепляние” представлен таким психическим конструктом, как слияние, а полюс “поиска” — как инкапсуляция.

Чаще всего феномен “слияния” описывается в литературе, посвященной проблеме самоповреждений. Например, членовредительство рассматривается как

“конкретное средство на пути к достижению состояний близости” [14, с. 1]. “Парадоксально, но атака на свое тело может служить экстренной защитной мерой для сохранения связи между телом и остальной частью Я, <...> даже если целостность физического тела должна быть принесена в жертву” [19, с. 60]. Автор в качестве примера приводит обкусывание ногтей и поверхностные порезы кожи.

За неимением места мы только упомянем, что проявление любой формы культурного единения в патологических случаях можно рассматривать либо как вторую — защитную кожу (мода, одежда, татуировки, “привычки”, политические и культурные объединения), либо как культурную кожу, которая как “мозаика <...> на протяжении всего нашего развития обеспечивает невидимые строительные леса нашей жизни” [17, с. 122].

Вторая защитная тенденция по сохранению Эго — противоположная слиянию — проявляется в форме “инкапсуляции”.

Феномен второй кожи и переходные “состояния неинтеграции можно наблюдать у людей, которые покрывают свою кожу шрамами, создавая собственную кожную броню” [14, с. 15]. Это действие, по словам автора, обнаруживает хрупкость Эго и “компенсирует отсутствие подходящей среды удержания” [Там же]. У.Ф. Тастин это описывает как мышечный зажим. Д. Розенфельд, развивая идею о второй коже, указывает на “утрированную мышечную активность” [8, с. 229]. Вторая кожа в форме инкапсуляции может “проявляться” в изменениях тела (включая пластическую хирургию, татуировки или пирсинг), в манере одеваться (“чадра не просто покрывает тело; она также может окутывать психику и функционировать как защитная оболочка, вторая кожа для Эго” [24, с. 1371]). Д. Розенфельд говорит о “болтовне” как о “лингвистической скорлупе” [8, с. 68].

Вторая кожа в качестве “укрытия” от душевной боли может “работать” и в форме психосоматики (в случае аллергии, кожных заболеваний, переедания) [7]. Например, дерматит рассматривается как защитный механизм, «который показывает, что кожа как граница <...> не способна “содержать” или защищать содержимое под своей поверхностью» [21, с. 20]. Примерно такую же функцию “вынесения вовне внутренней боли” играют татуировки [20]. Нарушения пищевого поведения (булимия, анорексия) интерпретируются как манифестации второй кожи. “Увеличение жировой ткани можно понять как реализацию конкретной защитной второй кожи, которая формирует границы и защищает наподобие капсулы” [23, с. 551].

В развитие изложенных представлений мы полагаем, что ногти также можно рассматривать в качестве объекта, репрезентирующего либо культурную, либо вторую кожу. Ногти — это граница телесного Я (как и размер тела), но граница особая. Ногти растут и формируют видимую, но вместе с тем контролируемую границу телесного Я. Помимо этого ногти являются продуктом жизнедеятельности тела (как сопли, пот, фекалии), но, в отличие от последних, они видны окружающим и не являются зоной интимности. Более того, ногти помимо функции устрашения являются еще и украшением. Ногти несут в себе культурный код (длина, цвет, стиль, гигиена), поэтому отношение к ногтям можно рассматривать как культурную кожу. Но в случае сверхаффективного к ним отношения и повреждающего паттерна поведения их можно рассматривать как вторую кожу. «Тело и соматосенсорная “система” участвуют в организации любого вида поведения, даже воображаемого поведения» [10, с. 396].

Мы предполагаем, что утверждение о сложной структуре связей между репрезентацией границы телесного Я и культурной/второй кожей можно повторить в отношении ногтей.

МЕТОДИКА

Теоретическая гипотеза. Разные формы взаимоотношения Я с Другим определяют репрезентацию границы телесного Я и сопряжены с поведенческими паттернами в отношении к ногтевой пластине. Данная граница может выполнять функцию культурной кожи или второй кожи (в форме тенденций к слиянию/избеганию).

Эмпирические гипотезы.

1. Существует взаимосвязь между репрезентацией границы телесного Я (культурная кожа и вторая кожа) и отношением к ногтевой пластине.

2. В группе респондентов, предпочитающих сверхдлинные ногти, граница телесного Я представлена такими эмпирическими конструктами, которые выявляют тенденцию к инкапсуляции.

3. В группе респондентов, повреждающих ногтевые пластины, граница телесного Я представлена такими эмпирическими конструктами, которые можно интерпретировать как тенденцию к слиянию.

4. В группе респондентов, не выражающих сверхаффективного отношения к ногтевой пластине, граница телесного Я представлена такими

эмпирическими конструктами, которые можно интерпретировать как культурную кожу.

Цель исследования, выполненного в парадигме квазиэксперимента, состоит в выявлении связей сопряженности между культурной/второй кожей (в форме тенденций к слиянию/инкапсуляции) и паттернами поведения в отношении к ногтевой пластине.

Предмет исследования. Культурная кожа/вторая кожа (в форме тенденций к слиянию/инкапсуляции).

Объект исследования. Женщины, выражающие разные поведенческие паттерны в отношении к ногтевой пластине.

Актуальность исследования. Тенденция к формированию второй кожи может служить индикатором психологических проблем.

Методы исследования.

1. “Я-структурный тест Аммона” (*ISTA*) [5]. В настоящем исследовании анализировались 4 шкалы, которые описывают Я-функции: Агрессия, Тревога/страх, Внешнее отграничение Я, Внутреннее отграничение Я. Каждая из этих функций может быть конструктивной, деструктивной и дефицитарной.

2. Опросник “Диагностика телесного Я” [3] включает две шкалы: “Самопринятие образа телесного Я” и “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я”.

В исследовании приняли участие 464 женщины в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 23.2 года), мотивированные на получение обратной связи по результатам тестирования.

Процедура исследования. Исследование проводилось добровольно, дистанционно, посредством сервиса *Google forms*. Разработка анкеты и проведение онлайн-исследования выполнено Е. Какошкиной в рамках квалификационной работы. Все испытуемые получали возможность обсудить личностные проблемы с психологом в качестве бонуса по окончании исследования.

Сначала респондентам в онлайн-режиме предъявлялись утверждения, уточняющие информацию об отношении к ногтевой пластине.

Анкета “Кто ты?”. Шутливая форма обращения и предлагаемая инструкция соответствуют стилистике интернет-пространства:

- Принцесска (аккуратные ноготочки) (ПР);
- Грызлик (покусываешь ноготочки) (ГР);
- Царапушка (длинные ноготочки) (ЦАР).

В дальнейшем изложении для сокращения объема текста мы будем использовать эти аббревиатуры.

Затем предлагалось ответить на вопросы, уточняющие “способы” модерирования границы телесного Я. Предлагаемые вопросы заимствованы из интернет-форумов. Семантика вопросов направлена на выявление поведенческих паттернов в отношении к ногтевой пластине, которые рассматриваются как проявление либо культурной кожи (в случае “аккуратных ноготков”), либо второй кожи.

Инструкция. «Внимательно прочитайте предложенные Вам утверждения. Выберите ответ “да”, если Вы согласны с данным утверждением, или “нет”, если Вы не согласны с данным утверждением».

— У меня иногда возникает желание погрызть ногти.

— Иногда, когда я попадаю в стрессовую ситуацию, я начинаю повреждать свои ногти (гнуть,ковырять, снимать верхний слой лака, грызть).

— Когда я делаю маникюр самостоятельно, то наношу своим ногтям меньше вреда.

— Меня раздражают заусенцы, и я самостоятельно от них избавляюсь.

— У меня часто кожа вокруг ногтя выглядит поврежденной.

Далее респонденту в онлайн-режиме необходимо было ответить на 51 утверждение опросника “Диагностика телесного Я” и на 146 утверждений методики *ISTA*, направленных на диагностику Я-функций. Сырые данные онлайн-опроса были переведены в соответствии с ключами в общие суммы баллов.

Исходно мы предполагали, что все респонденты могут быть разделены на три группы в соответствии с исходной теоретической гипотезой о существовании культурной и второй кожи (в форме двух защитных тенденций к слиянию/инкапсуляции). Эти группы, соответственно, были названы “ПР”, “ГР” и “ЦАР”. В группе ПР (256 человек) репрезентация границы телесного Я рассматривалась как репрезентация культурной кожи (группа “нормы”), группы ГР (98 человек) и ЦАР (120 человек) — как репрезентанты “второй кожи”. Однако предварительный анализ результатов не дал достоверных различий. На основе семантического анализа ответов анкеты была выделена дополнительная четвертая группа, названная “Латентный грызлик” (ЛГР). Эту группу составили респонденты, которые идентифицировали себя как ПР или ЦАР, но утвердительно

ответили на три и более вопросов анкеты о наличии латентных желаний, связанных с повреждением ногтевой пластины.

В итоге все респонденты были разделены на четыре группы:

1) ПР (232 человека): у данной группы отсутствует желание как-либо повреждать свою ногтевую пластину;

2) ГР (98 человек): данная группа выражает желание как-либо повреждать свою ногтевую пластину;

3) ЦАР (60 человек): данная группа характеризуется наличием длинных ногтей и отсутствием желания как-либо повреждать свою ногтевую пластину;

4) ЛГР (74 человека): данная группа имеет аккуратные/длинные ногти наряду с желанием как-либо повреждать свою ногтевую пластину.

Обработка результатов. Полученные данные обрабатывались с помощью программного пакета STATISTICA 8, использовался непараметрический критерий Краскела–Уоллиса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 1 представлены результаты сравнения показателей опросника “Диагностика телесного Я” в разных группах респондентов.

По шкале “Самопринятие образа телесного Я” группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по сравнению с группами ЦАР и ПР ($H(3, N = 464) = 16.46; p = 0.0009$). Согласно интерпретации методики, группа ГР “сомневается в ценности собственного тела”, они характеризуются “потерей интереса к своим телесным ощущениям”.

По показателю “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я” получены достоверные различия между группами ГР/ПР и ЦАР, между группами ЛГР/ПР ($H(3, N = 464) = 26.47571; p = 0.0000$).

Сверхнизкие показатели по данной шкале в группах ГР и ЛГР говорят либо о выраженной мотивации социального одобрения (по типу имитации), либо о “возможном наличии очень сильных защит”. Группы ЦАР и ПР, напротив, характеризуются устойчивостью представлений о себе, независимостью самооценки.

В табл. 2 представлены результаты сравнения участниц исследования по показателям методики “Я-структурный тест Аммона”.

Таблица 1. Различия показателей методики “Диагностика телесного Я” в группах респондентов с разным отношением к ногтевой пластине

Самопринятие образа телесного Я				
	ПР R: 248	ГР R: 193	ЦАР R: 262	ЛГР R: 211
ПР	—	0.004	1.00	0.2
ГР	—	—	0.01	1.0
ЦАР	—	—	—	0.17
ЛГР	—	—	—	—
Влияние Другого на отношение к образу телесного Я				
	ПР R: 259	ГР R: 193	ЦАР R: 250	ЛГР R: 190
ПР	—	0.0002	1.0	0.0007
ГР	—	—	0.05	1.0
ЦАР	—	—	—	0.06
ЛГР	—	—	—	—

Примечание. R — среднее значение ранга для каждой группы, в клетках таблицы приведены оценки вероятностей. Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Получены различия по переменной “Агрессия конструктивная” ($H(3, N = 464) = 11.51778$; $p = 0.0092$). Группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по сравнению с группами ЦАР и ПР ($H(3, N = 464) = 11.51778$; $p = 0.0092$). Это говорит о снижении активности, “о склонности к избеганию каких-либо конфронтаций вследствие боязни разрыва симбиотических отношений” [5, с. 289].

По показателю “Агрессия деструктивная” получены достоверные различия между группами ПР и ЛГР ($H(3, N = 464) = 9.471349$; $p = 0.0236$). “Деструктивная агрессия выражает интериоризованный запрет на собственную автономию и идентичность” [5, с. 289]. Полученные данные позволяют говорить о том, что для группы ЛГР свойственна “тенденция к вербальному выражению гнева и ярости, разрушительным действиям или фантазиям”.

По показателю “Агрессия дефицитарная” получены достоверные различия между группами ГР и ПР, ЦАР и ГР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 18.46359$; $p = 0.0004$). “При формировании дефицитарной агрессии речь идет о дефиците самого симбиоза, связанного либо с эмоциональным отвержением ребенка, либо с чрезмерной идентификацией с ним” [5, с. 290]. Согласно методике, “дефицитарная агрессия понимается как ранний запрет на реализацию имеющегося потенциала активности”. Сверхвысокие показатели группы ГР указывают на пассивную жизненную позицию, на утрату “стремления к автономизации, к выходу из симбиоза и построению своей собственной идентичности”; “отмечаются жалобы на чувство внутренней пустоты”. Заниженные показатели группы ЦАР можно рассматривать как противоположные.

По параметру “Тревога конструктивная” не получено значимых контрастов.

По показателю “Тревога/Страх деструктивный” получены достоверные различия между группами ГР/ЛГР и ПР, ГР/ЛГР и ЦАР ($H(3, N = 464) = 32.57020$; $p = 0.0000$). “Для лиц с высокими показателями по шкале деструктивного страха (ГР и особенно ЛГР) характерны повышенная тревожность, склонность к беспокойству и волнениям даже по самым незначительным поводам” [5, с. 292]. “Они, как правило, испытывают серьезные трудности в самореализации, ощущают беспомощность в ситуациях, требующих мобилизации и подтверждения идентичности” [5, с. 293].

По показателю “Тревога/Страх дефицитарный” получены достоверные различия между группами ГР/ЛГР и ПР, ГР/ЛГР и ЦАР ($H(3, N = 464) = 20.96497$; $p = 0.0001$). Сверхвысокие показатели в группах ЛГР/ГР говорят о том, что объективная опасность недооценивается или полностью игнорируется. “Отсутствующий страх проявляется в ощущении усталости и душевной пустоты. Отчужденность от эмоционального переживания приводит к отсутствию экзистенциального переживания угрозы”.

По показателю “Внешнее Я-отграничение конструктивное” получены достоверные различия между группами ГР и ПР, ГР и ЦАР ($H(3, N = 464) = 15.76035$; $p = 0.0013$).

На основе полученных данных по показателю “Внешнее Я-отграничение конструктивное” можно сделать вывод о том, что группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по сравнению с группами ЦАР, ПР. Согласно методике, “на смену симбиотическому слиянию приходит конструктивная автономия” [5, с. 294]. Человек с высокими значениями по данной шкале проявляет “открытость, общительность, коммуникабельность” [5, с. 295]. При низких результатах (ГР) “можно наблюдать

Таблица 2. Различия показателей методики “Я-структурный тест Аммона” в группах респондентов с различным отношением к ногтевой пластине.

Агрессия конструктивная				
	ПР R: 242	ГР R: 194	ЦАР R: 257	ЛГР R: 231
ПР	—	0.017	1.0	1.0
ГР	—	—	0.024	0.4
ЦАР	—	—	—	1.0
ЛГР	—	—	—	—
Агрессия деструктивная				
	ПР R: 216	ГР R: 242	ЦАР R: 237	ЛГР R: 268
ПР	—	0.62	1.0	0.025
ГР	—	—	1.0	1.0
ЦАР	—	—	—	1.0
ЛГР	—	—	—	—
Агрессия дефицитарная				
	ПР R: 223	ГР R: 271	ЦАР R: 185	ЛГР R: 250
ПР	—	0.02	0.2	0.83
ГР	—	—	0.0004	1.0
ЦАР	—	—	—	0.03
ЛГР	—	—	—	—
Тревога/Страх деструктивный				
	ПР R: 215	ГР R: 262	ЦАР R: 179	ЛГР R: 291
ПР	—	0.02	0.40	0.0001
ГР	—	—	0.001	0.9
ЦАР	—	—	—	0.000009
ЛГР	—	—	—	—
Тревога/Страх дефицитарный				
	ПР R: 212	ГР R: 268	ЦАР R: 206	ЛГР R: 270
ПР	—	0.003	1.0	0.006
ГР	—	—	0.03	1.0
ЦАР	—	—	—	0.03
ЛГР	—	—	—	—
Внешнее Я-отграничение конструктивное				
	ПР R: 246	ГР R: 190	ЦАР R: 262	ЛГР R: 223
ПР	—	0.003	1.0	1.0
ГР	—	—	0.006	0.6
ЦАР	—	—	—	0.5
ЛГР	—	—	—	—
Внешнее Я-отграничение деструктивное				
	ПР R: 220	ГР R: 191	ЦАР R: 298	ЛГР R: 275
ПР	—	0.4	0.0003	0.01
ГР	—	—	0.000007	0.0002
ЦАР	—	—	—	1.0
ЛГР	—	—	—	—
Внешнее Я-отграничение дефицитарное				
	ПР R: 219	ГР R: 266	ЦАР R: 188	ЛГР R: 266
ПР	—	0.02	0.6	0.05
ГР	—	—	0.002	1.0
ЦАР	—	—	—	0.005
ЛГР	—	—	—	—
Внутреннее Я-отграничение дефицитарное				
	ПР R: 227	ГР R: 256	ЦАР R: 177	ЛГР R: 262
ПР	—	0.4	0.08	0.3
ГР	—	—	0.002	1.0
ЦАР	—	—	—	0.002
ЛГР	—	—	—	—

Примечание. R — среднее значение ранга для каждой группы, в клетках таблицы приведены оценки вероятностей. Значимые различия выделены жирным шрифтом.

нарушение способности к контролю межличностной дистанции”.

По шкале “Внешнее Я-отграничение деструктивное” получены достоверные различия между группами ПР и ЦАР/ЛГР, между ГР и ЦАР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 34.19750; p = 0.0000$). Сверхвысокие показатели групп ЦАР и ЛГР позволяют говорить о том, что для данной группы “характерно жесткое эмоциональное дистанцирование, неумение гибко регулировать межличностные отношения” [5, с. 296], стремление к избеганию контактов и к закрытости.

По показателю “Внешнее Я-отграничение дефицитное” получены достоверные различия между группами ЦАР и ГР/ЛГР, между ПР и ГР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 20.13022; p = 0.0002$). Внешнее Я-отграничение дефицитное описывается как недостаточность внешней границы Я. Однако, здесь речь идет не о “жесткой” закрытости, а, напротив, о сверхпроницаемости этой границы, о неумении регулировать дистанцию в отношениях с другими людьми, проводить различия между Я и Не-Я. Сверхвысокие показатели групп ГР и ЛГР позволяют характеризовать представителей данных групп как “лиц послушных, зависимых, конформных, ищущих защиту и признание” [5, с. 297]. “Типичным для них является ощущение собственной слабости, беспомощности и незащищенности... Эти люди склонны к симбиотическому слиянию”.

По шкалам “Внутреннее Я-отграничение конструктивное” и “Внутреннее Я-отграничение деструктивное” не получено значимых контрастов.

По показателю “Внутреннее Я-отграничение дефицитное” получены достоверные различия между ЦАР и ГР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 17.09293; p = 0.0007$). “Дефицитное внутреннее Я-отграничение понимается как недостаточная сформированность внутренней границы Я. Эта граница возникает в процессе структурной дифференциации психического и знаменует собой возможность формирования подлинно автономного Я” [5, с. 298]. Группы ГР и ЛГР демонстрируют завышенные показатели по данной шкале, что свидетельствует об “импульсивности, склонности к экзальтированным состояниям”. Эти люди “не способны дифференцировать переживания от внешних объектов, ситуаций и отношений с ними связанных”.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Мы выдвинули гипотезу о сопряженности поведенческих паттернов в отношении к ногтевой пластине и границы телесного Я. Полученные

различия по большинству шкал во всех группах указывают на феноменологическую валидность выдвинутой гипотезы.

По переменной “Самопринятие телесного Я” группа ГР принимает минимальные значения, что, согласно методике, характеризует их как людей “отстраненных”, “безразличных к своему телесному Я, не испытывающих интереса к своим телесным ощущениям”. По шкале “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я” как ГР, так и ЛГР также принимают минимальные значения. Обе интерпретации данной шкалы (имитация или стереотипизация) позволяют допустить, что граница телесного Я в рассматриваемых группах не дифференцирована. По словам Т. Найс, “адгезия двумерна в том смысле, что она не оставляет пространства между собой и другими; нет возможности быть одному, отделиться или испытать полностью независимое чувство себя”. И далее автор продолжает: «В том случае, если у человека нет надлежащего “контейнера”, то этот человек прибегает к самоповреждениям, так как у него нет другого выхода, кроме как использовать свое собственное тело в качестве объекта и средства спасения себя от распада и катастрофической утечки» [25, с. 18]. Группы ПР и ЦАР контрастируют по этим двум шкалам, что позволяет допустить, что обе группы “ментализируют” границу телесного Я.

Если исходить из общетеоретической гипотезы о телесных истоках в порождении и развитии психического, можно согласиться с идеей Даны Амир о существовании двух защитных позиций: “сглаживании трехмерности и защитной <...> позиции, использующей различные способы выталкивания путем отражения проникновения” [11, с. 1]. Тогда ГР и ЛГР можно рассматривать как “сглаживающих трехмерность”. Респонденты двух других групп “выталкивают проникновение”: ЦАР — с помощью длинных ногтей, а ПР — путем освоения культурной кожи (“нейтральные” ногти).

По шкалам теста Г. Аммона получено много контрастов между группами респондентов. Прежде всего обращает внимание тот факт, что не получено значимых различий по двум конструктивным шкалам: “Тревога конструктивная” и “Внутреннее Я-отграничение конструктивное”. Мы предполагаем, что данный результат свидетельствует о том, что наша выборка в целом лежит в пределах нормы.

По шкалам “Тревоги” (деструктивной и дефицитной) две группы (ГР и ЛГР) обнаруживают солидарные контрасты с двумя другими группами (ПР и ЦАР) и принимают максимальные значения.

Согласно Г. Аммону, тревога является исходной функцией, отвечающей за разрешение симбиоза.

В свете данного факта наша идея о тенденции к слиянию в группе ГР находит подтверждение. Согласно интерпретации, “тревога деструктивная” порождает “трудности в самореализации”. Эти люди “не способны по-настоящему доверять ни себе, ни окружающим людям” [5, с. 293]. Тревога дефицитарная порождается “равнодушным”, “холодным” первичным симбиозом, при котором “не происходит трансляции ребенку относящихся к нему страхов и опасений, испытываемых матерью” [5, с. 293]. Это приводит к “эмоциональному несуществованию”. Ребенок “похожий на улитку, начинает вылезать из своей первичной оболочки только для того, чтобы снова спрятаться в свое убежище” [16, с. 3].

В отношении ГР и ЛГР справедливо предположить, что “отсутствие интернализации сдерживающей функции создает экстремальную ситуацию недифференцированной агглютинации между Я и объектом и глубокого страха утечки, исчезновения, распада, если объект осмелится отойти от Я” [26, с. 901]. Таким образом, ГР и ЛГР должны существовать в “ужасном мире”, испытывая потерянность, беспомощность и пр. В таком случае “психические дыры могут превратить любую возможную встречу с другим в катастрофическое событие, в котором хрупкие личные границы могут взорваться или раствориться” [13, с. 114].

Подтверждением “психической потерянности” служат результаты контраста ГР (отчасти ЛГР) с группой ПР по всем конструктивным шкалам.

В отличие от ГР (отчасти ЛГР) группа ЦАР не испытывает “трудности в организации собственной активности” (получены низкие значения по шкалам тревоги): они дистанцируются от “экзистенциального переживания угрозы”. Напомним, что по шкале “Тревога деструктивная” и “Тревога дефицитарная” ЦАР принимают минимальные значения по выборке. Согласно Г. Аммону, механизм опосредованного “овладения опасностью” в атмосфере “родительской безучастности оказывается заблокированным”. Симбиоз — не столько прерванный, как, скорее, не состоявшийся, приводит к тому, что не развивается способность “реагировать на тревогу разлуки” вследствие дефекта “превращения сенсорных и телесных ощущений в точные ментальные представления” [15, с. 198]. Можно предположить, что ЦАР компенсируют дефект первичного симбиоза и связанную с его разрешением тревогу посредством длинных ногтей, тем самым самостоятельно, по словам Д. Розенфельда,

«“блокируют рану” и останавливают “психическое кровотечение”» [8].

Подтверждением “аморфности” границы телесного Я в группе ГР служат шкалы внешнего Я-отграничения, которые фиксируют границу Я и Не-Я. По шкале внешнего дефицитарного Я-отграничения группы ГР и ЛГР имеют максимум. Согласно методике, “речь идет о сверхпроницаемости границы”. Также обе группы (ЛГР и ГР) имеют максимум по шкале “Внутреннее дефицитарное Я-отграничение”, что может свидетельствовать о “неспособности дифференцировать переживания от внешних объектов и отношений с ними связанных”. Иными словами, полученные результаты говорят о тенденции к слиянию. “В отсутствие связующего агента” у человека, прибегающего к самоповреждениям в форме порезов, “нет другого выхода, кроме как использовать свое собственное тело в качестве объекта и средства спасения себя от распада и катастрофической утечки” [25, с. 18].

Между тем ЛГР не во всем “подобны” ГР, в другом отношении ЛГР чем-то “напоминают” ЦАР.

Наряду с этим по шкалам конструктивного и деструктивного внешнего Я-отграничения (трудностями в постановке и отстаивании лично значимых целей и задач) ГР (в отличие от ЛГР) имеют безусловный минимум. Так, по шкале “Внешнее деструктивное Я-отграничение” и ЛГР, и ЦАР значимо превышают медианные значения двух групп (стремление к избеганию контактов). Можно допустить, что ЛГР комбинируют “растерянность” в отношении внешнего Я-отграничения и, наряду с ощущением “беспомощности”, выстраивают дополнительные “барьеры” (в форме внешнего деструктивного Я-отграничения), позволяющие дистанцироваться (царапаться).

Что касается ЦАР, то эта группа резко контрастирует с ГР по всем Я-отграничениям (максимум по внешним конструктивным и деструктивным Я-отграничениям, но минимум по внешнему и внутреннему дефицитарному отграничению). То есть выраженная склонность к автономии и дистанцированию сочетается в группе ЦАР с эмоциональной отстраненностью (заниженные значения по шкале Внутреннее Я-отграничение дефицитарное). Совокупный психологический портрет данной группы может быть описан термином “инкапсуляция”.

Динамику “слияния/инкапсуляции” в группах ГР/ЦАР подтверждают результаты, полученные по шкалам агрессии. Получены следующие контрасты: группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по “Агрессии конструктивной” (контраст с ПР и ЦАР), свидетельствующие о том, что хрупкое Эго

не “знает” своих границ и избегает всякой конфронтации. Эта растерянность в отношении границ Эго подтверждается данными по шкале “Агрессия дефицитарная”. Подтверждением того факта, что у ГР нет “надежного контейнера”, нет “горизонта”, могут служить факты отсутствия конструктивных шкал.

Что касается ЛГР, они максимально по всей выборке используют деструктивную агрессию. Можно предположить, что из-за неумения построить границы Эго, сформировать свою собственную и устойчивую идентичность группы ГР и ЛГР прибегают к самоповреждениям. “Самоатака помогает восстановить чувство компетентности... Когда Эго чувствует себя глубоко беспомощным, чтобы справиться с внутренними или внешними угрозами, оно не в состоянии долго терпеть и сдается. <...> Это может привести к самоубийству” [19, с. 62]. Не позволяя проявить конструктивную агрессию, ГР нападают на себя, прибегая к самоповреждению. “Черная дыра” в случае ГР и ЛГР “обрабатывается” с помощью агрессии, суть которой состоит в защите границ.

В результате проведенных исследований можно сделать следующие **выводы**.

1. Репрезентация границы телесного Я в форме культурной/второй кожи сопряжена с поведенческими паттернами по отношению к ногтевой пластине.

2. Граница телесного Я в форме культурной кожи представлена в группе респондентов, “нейтрально” относящихся к своим ногтям (ГР). В данной группе получены максимальные значения по шкалам “Самопринятие телесного Я” и “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я”, что свидетельствует о “зрелой” репрезентации телесного Я, об устойчивой границе, конструктивной агрессии, способности к автономии и к построению конструктивной дистанции.

3. Граница телесного Я представлена в группе респондентов, предпочитающих сверхдлинные ногти (ЦАР), отражает тенденцию к инкапсуляции. Данная группа респондентов характеризуется уверенным самопринятием наряду с высокими показателями по конструктивным и деструктивным шкалам (агрессия, внешнее Я-отграничение), но при этом они не имеют “опыта контакта с Другим”.

4. Граница телесного Я в группе респондентов, прибегающих к самоповреждению ногтевой пластины (ГР), отражает тенденцию к слиянию. Данная группа характеризуется низкими значениями по шкалам “Самопринятие телесного Я” и “Влия-

ние Другого на отношение к образу телесного Я”, конструктивной агрессии и внешним Я-отграничениям, но при этом сверхвысокими значениями по дефицитарным шкалам.

Получен новый феномен репрезентации второй кожи как сочетания двух тенденций (инкапсуляции/слияния) в группе респондентов ЛГР. Так, наряду с низкими значениями по шкале “Влияние Другого” и высокими значениями по деструктивным шкалам (присущим тенденции к инкапсуляции) респонденты данной группы демонстрируют высокие значения по дефицитарным шкалам внешнего и внутреннего Я-отграничения, что свидетельствует о тенденции к слиянию. Иными словами, данные респонденты демонстрируют как сверхзащищенность, так и расплывчатость границы телесного Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. Ижевск: ERGO, 2011.
2. *Бескова Д.А., Тхостов А.Ш.* Телесность как пространственная структура // Психология телесности. Между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2005. С. 236–252.
3. *Лыбко И.В.* Методика “Диагностика телесного Я” // Психологическая диагностика. 2008. № 3. С. 5–21.
4. Онто- и субъектогенез психического развития человека / Под ред. Н.Е. Харламенковой, В.В. Знакова, Е.А. Сергиенко, Н.Н. Казымовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022.
5. Очерки динамической психиатрии / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003.
6. *Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995.
7. *Ребеко Т.А.* Психосоматика кожных заболеваний и репрезентация психического пространства // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 59–69.
8. *Розенфельд Д.* Душа, разум и психоаналитик. Создание психоаналитического сеттинга с пациентами с психотическими аспектами личности. Харьков: Планета-Принт, 2015.
9. *Ad-Dab'bagh Ya.* Puncturing the skin of the self: A psychoanalytic perspective on why prejudice hurts // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2012. V. 9. № 1. P. 23–34.
10. *Alexandrov Yu.I., Sams M.E.* Emotions and consciousness: Ends of a continuum // Cognitive Brain Research. 2005. V. 25. P. 387–405.
11. *Amir D.* The malignant ambiguity of incestuous language // International Journal of Psychoanalysis Open. 2018. V. 5 P. 1–27.

12. *Anzieu-Premmereur Chr.* The skin-ego: Dyadic sensuality, trauma in infancy, and adult narcissistic issues // *The Psychoanalytic Review*. 2015. V. 102. № 5. P. 659–681.
13. *Balottin L., Quagelli L., Costantini M.V.* A body of one's own: From self-cutting to the cuts of separation in an adolescent suffering from traumatic early abandonments // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2021. V. 69. № 1. P. 109–135.
14. *Boćwińska-Kiluk B.* “Venus in Scars” — Implications regarding self-harm pathogenesis in adolescent girl in object relation theory perspective // *International Journal of Psychoanalysis Open*. 2021. V. 8. № 26. P. 1–16.
15. *Diana S.* Emptiness in bulimia: Clinical vicissitudes and theoretical implications // *Romanian Journal of Psychoanalysis*. 2015. V. 8. № 2. P. 183–215.
16. *Durban J.* “Making a Person”: Clinical considerations regarding the interpretation of anxieties in the analyses of children on the autisto-psychotic spectrum // *International Journal of Psychoanalysis*. 2019. V. 100. № 5. P. 921–939.
17. *Feldman B.* The Cultural skin in Latin America // *Listening to Latin America* / Eds. P. Amezaga, G. Barcellos, A. Capriles, J. Gerson, D. Ramos. New Orleans, Louisiana: Spring Journal Books, 2012. P. 109–128.
18. *Frydman S.* Shifting skins: Love and breakdown // *Studies in Gender and Sexuality*. 2018. V. 19. № 3. P. 204–216.
19. *Goldblatt M.J., Maltzberger J.T.* Self attack as a means of self-preservation // *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2010. V. 7. P. 58–72.
20. *Hafner D.* Building Castles Made of Pleasure // *Psychoanalytic Review*. 2018. V. 105. № 3. P. 279–302.
21. *Karacaoglan U.* Tattoo and taboo: On the meaning of tattoos in the analytic process // *International Journal of Psychoanalysis*. 2012. V. 93. № 1. P. 5–28.
22. *Kholodnaya M.A., Sipovskaya Ya.I.* Elements of sensory-emotional experience as an integral part of forming visual meanings: The role of conceptual abilities // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2021. V. 14. № 2. P. 76–89.
23. *Moscato F., Solano P.* Eating disorders as autistic like defenses: unmentalizable experiences in primitive mental states // *Psychoanalytic Review*. 2014. V. 101. № 4. P. 547–570.
24. *Movahedi S., Homayounpour G.* The couch and the chador // *International Journal of Psychoanalysis*. 2012. V. 93. № 6. P. 1357–1375.
25. *Nice T.* I bleed therefore I am: Pain, restoration and repair in self-cutting // *Journal of Psychological Therapies*. 2018. V. 3. № 2. P. 15–20.
26. *Schellekes A.* The dread of falling — Between breaking one's back and breaking through: Commentary on Franco Borgogno's “On the patient's becoming an individual” // *Psychoanalytic Dialogues*. 2005. V. 15. № 6. P. 897–908.
27. *Schellekes A.* Writing as a protective shell: The analysis of a young writer // *Modern Psychoanalysis*. 2006. V. 31. № 2. P. 251–288.
28. *Steele M., Steele H., Beebe B.* Applying an attachment and microanalytic lens to “embodied mentalization”: Commentary on “Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference” by Fotopoulou and Tsakiris // *Neuropsychanalysis*. 2017. V. 19. № 1. P. 59–66.
29. *Werbart A.* “The skin is the cradle of the soul”: Didier Anzieu on the skin-ego, boundaries, and boundlessness // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2019. V. 67. № 1. P. 37–58.
30. *Wierzbicka A.* Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology // *Language Sciences*. 2007. V. 29. № 1. P. 14–65.

THE ATTITUDE TO NAILS AS A REPRESENTATION OF THE BOUNDARY OF THE BODILY SELF

T. A. Rebeko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
PhD (Psychology), Leading researcher, V.N. Druzhinin Laboratory of Psychology
of Abilities and Mental Resources.
E-mail: rebekota@yandex.ru*

Received 07.09.2023

Abstract. The concepts of “cultural skin” and “second skin” are discussed as two behavioral patterns of Ego protection and representation of the boundaries of the bodily Self based on the relationship to nails. Two forms of manifestation of the second skin (encapsulation/fusion) are distinguished. The phenomenon of

representing the bodily Self boundary as a combination of encapsulation/fusion is obtained. The online study involved 464 women who first answered the questions and identified themselves in three categories (nail biting, long nails, neat nails). Then it was necessary to perform blank methods: “Diagnosis of the bodily Self” (I.V. Lybko), “Self structural test of G. Ammon” (ISTA). According to the results of the analysis, the sample was divided into four categories depending on the measure of affective attitude towards nails and patterns of behavior towards the nail plate (nail care/self-harm). Using the Kruskal-Wallis test, it is proved that the attitude to nails is associated with different ways of representing the boundaries of the bodily self.

Keywords: Ego, boundaries of the bodily Self, separation, primary skin, second skin, cultural skin, patterns of behavior in relation to the nail plate, encapsulation, fusion, self-identification.

REFERENCES

1. *Anz'e D.* Ja-kozha. Izhevsk: ERGO, 2011. (In Russian)
2. *Beskova D.A., Tkhostov A.Sh.* Telesnost' kak prostranstvennaja struktura. Psikhologija telesnosti. Mezhdushoj i telom. Eds. V.P. Zinchenko, T.S. Levi. Moscow: AST, 2005. P. 236–252. (In Russian)
3. *Lybko I.V.* Metodika “Diagnostika telesnogo Ja”. Psikhologicheskaja diagnostika. 2008. № 3. P. 5–21. (In Russian)
4. Onto- i sub”ektogenez psikhicheskogo razvitija cheloveka. Eds. N.E. Kharlamenkova, V.V. Znakov, E.A. Sergienko, N.N. Kazymova. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2022. (In Russian)
5. Ocherki dinamicheskoy psikhologii. Eds. M.M. Kabanov, N.G. Neznanov. Saint-Petersburg: Institut im. V.M. Bekhtereva, 2003. (In Russian)
6. *Podoroga V.* Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuju antropologiju. Moscow: Ad Marginem, 1995. (In Russian)
7. *Rebeka T.A.* Psikhosomatika kozhnykh zabojevanij i reprezentacija psikhicheskogo prostranstva. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 4. P. 59–69. (In Russian)
8. *Rozenfel'd D.* Dusha, razum i psichoanalitik. Sozdanie psichoanaliticheskogo settinga s pacientami s psichoticheskimi aspektami lichnosti. Khar'kov: Planeta-Print, 2015. (In Russian)
9. *Ad-Dab'bagh Ya.* Puncturing the skin of the self: A psychoanalytic perspective on why prejudice hurts. International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2012. V. 9. № 1. P. 23–34.
10. *Alexandrov Yu.I., Sams M.E.* Emotions and consciousness: Ends of a continuum. Cognitive Brain Research. 2005. V. 25. P. 387–405.
11. *Amir D.* The malignant ambiguity of incestuous language. International Journal of Psychoanalysis Open. 2018. V. 5. P. 1–27.
12. *Anzieu-Premmereur C.* The skin-ego: Dyadic sensuality, trauma in infancy, and adult narcissistic issues. The Psychoanalytic Review. 2015. V. 102. № 5. P. 659–681.
13. *Balottin L., Quagelli L., Costantini M.V.* A body of one's own: From self-cutting to the cuts of separation in an adolescent suffering from traumatic early abandonments. Journal of the American Psychoanalytic Association. 2021. V. 69. № 1. P. 109–135.
14. *Boćwińska-Kiluk B.* “Venus in Scars” — Implications regarding self-harm pathogenesis in adolescent girl in object relation theory perspective. International Journal of Psychoanalysis Open. 2021. V. 8. № 26. P. 1–16.
15. *Diana S.* Emptiness in bulimia: Clinical vicissitudes and theoretical implications. Romanian Journal of Psychoanalysis. 2015. V. 8. № 2. P. 183–215.
16. *Durban J.* “Making a Person”: Clinical considerations regarding the interpretation of anxieties in the analyses of children on the autistic-psychotic spectrum. International Journal of Psychoanalysis. 2019. V. 100. № 5. P. 921–939.
17. *Feldman B.* The Cultural skin in Latin America. Listening to Latin America. Eds. P. Amezaga, G. Barcellos, A. Capriles, J. Gerson, D. Ramos. New Orleans, Louisiana: Spring Journal Books, 2012. P. 109–128.
18. *Frydman S.* Shifting skins: Love and breakdown. Studies in Gender and Sexuality. 2018. V. 19. № 3. P. 204–216.
19. *Goldblatt M.J., Maltzberger J.T.* Self attack as a means of self-preservation. International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2010. V. 7. P. 58–72.
20. *Hafner D.* Building Castles Made of Pleasure. Psychoanalytic Review. 2018. V. 105. № 3. P. 279–302.
21. *Karacaoglan U.* Tattoo and taboo: On the meaning of tattoos in the analytic process. International Journal of Psychoanalysis. 2012. V. 93. № 1. P. 5–28.
22. *Kholodnaya M.A., Sipovskaya Ya.I.* Elements of sensory-emotional experience as an integral part of forming visual meanings: The role of conceptual abilities. Psychology in Russia: State of the Art. 2021. V. 14. № 2. P. 76–89.
23. *Moscato F., Solano P.* Eating disorders as autistic like defenses: unmentalizable experiences in primitive mental states. Psychoanalytic Review. 2014. V. 101. № 4. P. 547–570.
24. *Movahedi S., Homayounpour G.* The couch and the chador. International Journal of Psychoanalysis. 2012. V. 93. № 6. P. 1357–1375.
25. *Nice T.* I bleed therefore I am: Pain, restoration and repair in self-cutting. Journal of Psychological Therapies. 2018. V. 3. № 2. P. 15–20.

26. *Schellekes A.* The dread of falling — Between breaking one's back and breaking through: Commentary on Franco Borgogno's "On the patient's becoming an individual". *Psychoanalytic Dialogues*. 2005. V. 15. № 6. P. 897–908.
27. *Schellekes A.* Writing as a protective shell: The analysis of a young writer. *Modern Psychoanalysis*. 2006. V. 31. № 2. P. 251–288.
28. *Steele M., Steele H., Beebe B.* Applying an attachment and microanalytic lens to "embodied mentalization": Commentary on "Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference" by Fotopoulou and Tsakiris. *Neuropsychoanalysis*. 2017. V. 19. № 1. P. 59–66.
29. *Werbart A.* "The skin is the cradle of the soul": Didier Anzieu on the skin-ego, boundaries, and boundlessness. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2019. V. 67. № 1. P. 37–58.
30. *Wierzbicka A.* Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology. *Language Sciences*. 2007. V. 29. № 1. P. 14–65.